

Р.И. Хасбулатов.
ЗАКАТ РЫНОЧНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА.
Теория, политика, конфликты.
В двух книгах. Москва: РЭУ им. Г.В. Плеханова.
2014. Кн. 1 — 472 с.

В книге представлен анализ этапов появления экономических теорий, показана их взаимосвязь с развитием производительных сил (факторов производства), потребностями общества на разных стадиях. Основное внимание уделено конкурирующим теориям и концепциям, сформировавшимся на общей базе политической экономии Адама Смита.

Подвергается критике экономическая политика государств и международных организаций как неадекватная современным требованиям социально-экономического и научно-технического развития мира.

Анализируются новые течения экономической мысли и их место в формировании глобального экономического порядка.

Предложена авторская модель экономической политики современной России.

Книга представляет интерес для студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, а также специалистов в области хозяйственного, социального и культурного развития страны, для всех тех, кто интересуется экономической теорией и её взаимодействием с экономической политикой государства.

Ниже публикуется (с сокращениями) глава из книги.

УДК 339.13

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА
ОТ Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА ДО Б. ОБАМЫ

Р.И. Хасбулатов *

Статья поступила в редакцию 15.04.2015.

Открытие обеих Америк явилось не просто фактором расширения европейского пространства, в том числе с позиций укрепления его промышленно-торгового потенциала и осознания единства мира. Это событие планетарного значения, оказавшее огромное влияние на весь ход всемирной истории, начиная с того периода.

Ко времени Войны за независимость США (1775–1783), которая удивительным образом совпала с появлением главного труда А. Смита «Богатство народов», колонии Великобритании и Франции в Северной Америке были хорошо развитыми, жили за счет собственного производства и торговли и мало зависели от метрополии. А после Гражданской войны и отмены рабства (1863) США становятся на путь исключительно ускоренного экономического роста, превратившись уже к концу XIX века в одну из мощных экономических держав мира.

* ХАСБУЛАТОВ Руслан Имранович – доктор экономических наук, профессор, член-корр. РАН, заведующий кафедрой мировой экономики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. Российская Федерация, 117997 Москва, Стремянный пер., 36 (958501@mail.ru).

Капитализм в Америке развивался максимально на принципах *laissez-faire*, все достоинства и пороки этой системы органически ей свойственные, здесь также предстали в наиболее чистом виде. По всеобщему признанию самих американских экономистов-теоретиков, их удалось с наибольшей глубиной и всесторонностью проанализировать Торстейну Веблену.

«Праздный класс» Америки по Т. Веблену

Основатель институциональной экономической школы, с 1892 г. профессор Чикагского университета, Т. Веблен (*Veblen B. Thorstein*, 1857–1929) подверг острой критике неоклассические теории за упрощенное представление человеческой природы. Согласно его представлениям, экономическая наука должна уделять главное внимание анализу экономических институтов, а не политике корпораций и банков.

Т. Веблен считал, что главным фактором, характеризующим современное ему индустриальное общество, является конфликт между «денежными» и «промышленными» занятиями, т.е. между теми, кто делает деньги, и теми, кто делает товары. Этот конфликт, по Т. Веблену, существовал между бизнесменами, контролирующими финансирование промышленности, и бизнесменами, заинтересованными в прибыли, с одной стороны, и инженерами и рабочими, заинтересованными в эффективности производства в физическом выражении, с другой стороны.

[...] Т. Веблен показывает, что с развитием крупной частной собственности формируется «праздный класс», причем его элементы присутствуют и в прошлых экономических формациях.

Все агенты производства и финансов (особенно последних) порождают праздный класс; они, буквально одержимы накопительством, демонстративным потреблением и демонстративным расточительством. Это, по его мнению, своеобразный «закон» современного капитализма. Единственной целью и мотивом деятельности компаний и банков является соперничество и стремление стать еще богаче (по сравнению с другими); никаких общественных целей у представителей «праздного класса» нет, а если они об этом заявляют – это всего лишь маскировка реальных, эгоистических целей и личных интересов праздного класса.

Мотивом к накоплению является власть, даруемая богатством.

Т. Веблен показывает, как праздный класс развращает общество, навязывая ему свои привычки и вкусы, которые, однако, невозможно усвоить в силу их крайней дороговизны. ... Устремленность к «денежному преуспеванию» любой ценой становится болезнью значительной части людей. Мораль, нравственность, порядочность, честь и скромность, ученость отходят на второй план. Успех в первую очередь определяется денежным успехом. Человек становится, по Т. Веблену, «денежным человеком». *«Основы, на которой в конечном счете покоится хорошая репутация в любом высокоорганизованном обществе, – денежная сила. И средствами демонстрации денежной силы, а тем самым и средствами приобретения или сохранения доброго имени являются праздность и демонстративное материальное потребление.... Любое демонстративное потребление, ставшее обычаем, не остается без внимания ни в каких слоях общества, даже самых обнищавших... Развитие демонстративной праздности и демонстративного потребления заключается в элементе расточительства, общем для них обоих»*^{*}.

^{*} Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. С. 120–121.

Это прямое следствие «безумного неравенства» в обществе, которое управляется государством, действующим исключительно в интересах «праздного класса». Без мощной государственной поддержки демонстративное потребление было бы невозможным.

Функции праздного класса по Т. Веблену

Актуальными в сравнительном аспекте предстают положения, связанные с анализом функций праздного класса. По Т. Веблену, функция праздного класса – препятствовать движению общества в позитивной эволюции, сохраняя то, что устарело и отжило, то есть реакционный консерватизм, носителями которого выступают как сам праздный класс, так его правые партии. ... Нам это суждение интересно в связи с тем, что представители всех основных политических силы, встроенные так или иначе в современный политический режим России, буквально клянутся в своей приверженности консерватизму, проклиная не только революции (благодаря которой они все оказались у власти), но и необходимость каких-либо, даже мелких, изменений в этом режиме.

В результате, по Т. Веблену, богатые слои, занимающие высокое положение в обществе, являясь самым *«воплощением добропорядочности, оказывают на развитие тормозящее давление. Предписывающий пример праздного класса способствует значительному усилению сопротивления всех других слоев общества, которое оказывается всякому нововведению и закреплению привязанности людей к добрым, унаследованным от прошлого поколения институтам»*.

Праздный класс и социальные институты

Весьма ценной представляется та часть исследования Т. Веблена, в которой он лаконично обосновывает идею, что праздный класс, узурпировав право на основные факторы производства и отторгнув их от общества в целях демонстративного и иных видов нерационального потребления, обрекает народы стран на бедность. Со времени, когда был сделан этот вывод, в Америке и Западной Европе произошли кардинальные изменения в социальной политике – их государства не позволили праздному классу реализовать свои инстинктивные эгоистические интересы в той мере, как это происходило в США в XIX и в первые два десятилетия XX века. Праздный класс был зажат в тиски государственного регулирования и вынужден реализовать значительную часть социальной политики в рамках доктрины социальной ответственности бизнеса (государство всеобщего благоденствия).

Анализ Т. Веблена интересен его полной применимостью к современной ситуации в России с точки зрения отношений «государство – бизнес – общество». Представляется справедливой мысль Т. Веблена о том, что праздный класс (применительно к России) породил тенденцию: *(1) оставлять лишь скудный прожиточный минимум для сферы недемонстративного потребления и (2) поглотить всякий избыток энергии, которая может иметься в распоряжении после обеспечения чисто физических жизненных нужд. В результате укрепляется общая консервативная позиция. Институт праздного класса задерживает развитие общества непосредственно: (1) по инерции, свойственной самому классу; (2) собственным примером давая установку на демонстративное расточительство и консервативность; а также косвенно (3) посредством той системы неравного распределения благосостояния и средств к существованию, на которой покоится сам институт праздного класса. К этому следует доба-*

вить, пишет Т. Веблен, что у праздного класса есть и материальная заинтересованность в том, чтобы все осталось так, как есть, поскольку при «всяком отходе от существующего порядка можно ожидать нанесения ущерба именно ему [праздному классу]». Отсюда – природа «консерватизма», суть которой в стремлении сохранить неравенство и несправедливость в обществе.

Другая идея Т. Веблена непосредственно связана с вышеизложенной – это мысль относительно консервирования отсталых социальных институтов общества: «...Праздный класс неизбежно и последовательно тормозит процесс приспособления к окружающей среде, который называется продвижением общества или социальным развитием. Позицию, характерную для праздного класса, можно кратко выразить в афоризме: "Все, что ни есть, все правильно", тогда как закон естественного отбора в применении к социальным институтам подводит к аксиоме: "Все, что ни есть, все неправильно". Не то чтобы современные институты были совершенно неподходящие для современного общества, но они всегда и неизбежно в той или иной степени не соответствуют ему по своему назначению. Они являются результатом до некоторой степени неполного приспособления системы общественной жизни к экономической ситуации, существовавшей в какой-то момент развития в прошлом; и поэтому погрешность в степени их приспособленности несколько больше того промежутка, который отделяет настоящую ситуацию от прошлой».

По Т. Веблену, поскольку отношение праздного класса к экономическому процессу является денежным отношением, следовательно, оно суть выражения отношения стяжательства, а не производства; эксплуатации, а не полезности: «Косвенным образом его экономическая функция может, конечно, иметь крайне важное значение для процесса экономической жизни общества, и мы отнюдь не намерены преуменьшать экономическую роль имущего класса или "капитанов индустрии". Наша цель просто разъяснить, какова природа отношения, в котором находятся эти классы к процессу производства и экономическим институтам. Их функция является по своему характеру паразитической, а их интерес заключается в том, чтобы обращать все, что только можно, себе на пользу, удерживая все, что попадает под руку. Обычай мира бизнеса сложился под направляющим и избирательным действием законов хищничества или паразитизма. Это обычай собственности, производные, более или менее отдаленные, от древней хищнической культуры. Однако современной экономической ситуации эти финансовые институты никак не соответствуют, ибо они сложились в экономических условиях прошлого, условиях, несколько отличающихся от настоящего момента. Они не соответствуют своему назначению, как могли бы соответствовать даже по своей эффективности в денежном плане».

На этом заключении строится вывод Т. Веблена о необходимости жесткого подчинения праздного класса социальным целям общества. Признание этой идеи как общего постулата политики государства легло в основание идейной платформы «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта. В равной мере как и признание им доктрины Дж.М. Кейнса, обосновавшего необходимость широкой экономической интервенции государства, в целях подчинения всех агентов производства необходимости достижения общего блага. Это тоже форма социализации, отличающаяся от социализма, но имеющая общую цель в достижении общественной гармонии.

«Денежный человек» по Т. Веблену

Т. Веблен справедливо подчеркивал, что институт праздного класса оказывает мощное воздействие не только на строение общества и его институты, но и на характер человека в данной конкретной «системе», его настроение и ожидания, моральные установки и пр. Это, несомненно, верный вывод, что иллюстрируется наглядно на современном российском обществе, люди (в сравнении с прошлым) стали чрезвычайно агрессивными, замкнутыми, изолированными друг от друга. Одни маниакально устремлены «делать деньги», другие – выживать, третьи – просто живут, потерянные и никому не нужные: *«...Тот человеческий материал, который не годится для существования по тем способам, которые навязываются системой жизни, подвергается как подавлению, так и до некоторой степени элиминации. Принципы денежного соперничества и освобождения от производства, таким образом, возводятся в каноны жизни общества и становятся достаточно важными факторами принуждения в той ситуации, к которой людям приходится приспосабливаться».*

Согласно Т. Веблену, *«идеальный денежный человек похож на идеального преступника в его беззастенчивом обращении материальных ценностей и людей на свои собственные цели и в бессердечном игнорировании чувств и желаний других людей, а также отдаленных последствий своих действий; но он не похож на него тем, что обладает более острым чувством статуса, и тем, что прокладывает себе дорогу к далекой цели более последовательным и дальновидным образом... Идеальный денежный человек обнаруживает также любопытное сходство с преступником в одной из сопутствующих вариаций характера хищника. Очень часто преступник склонен к предрассудкам, он очень верит в удачу, судьбу, заклинания, предсказания, а также в предзнаменования и церемонию шаманства. Там, где складываются благоприятные обстоятельства, эта склонность, вероятно, будет выражаться в известном раболопно-набожном рвении и щепетильной до мелочей заботе о соблюдении обрядов благочестия; наверное, она может быть лучше охарактеризована как благочестивость, чем как религиозность. В этом вопросе темперамент преступника имеет больше общего с денежными, праздными слоями».*

Т. Веблен срывает покров некой тайны вокруг сверхбогатых людей, показывает их обыденность, хищнические инстинкты, моральную глухоту при явно выраженных элементах социальной жестокости. Сравнение праздного класса с преступниками у Т. Веблена совершенно блистательно, так же как выявленная им склонность к ханжескому поведению, подчеркивание мнимой религиозности (при одновременном и всеобщем увлечении шаманством и разными типами мистификаций и гаданий, например, в современном российском праздном классе).

Т. Веблен предельно отчетливо анализирует одну из выявившихся тенденций развития американского капитализма (причем его самого крупного сегмента) в конце XIX – начале XX столетия. И сценарий его развития, описанный Т. Вебленом, смог утвердиться окончательно в этой стране, хотя были большие шансы, что эти крайне отвратительные свойства, описанные Т. Вебленом, будут «перемолоты» другими капиталистическими (альтернативными) структурами. Как представляется, именно феномен праздного класса послужил развертыванию колоссального по своей разрушительной мощи финансового кризиса США в 1929 г., переросшего в мировой финансовый кризис – Великую депрессию 1929–1933 гг.

«Очищение» праздного класса и аналогии

Пришедший к власти в 1933 г. президент Франклин Делано Рузвельт жестко расправился с «паразитарной» деятельностью крупного бизнеса, упразднил праздный класс (например, налоги, которые должны были платить представители этого класса, были повышены до 80–90%). Недавно самые богатые люди США – Б. Гейтс и У. Баффетт – направили 50 млрд. долларов (треть своих состояний) на цели благотворительности, призвав и других миллиардеров последовать их примеру. И действительно, в США их примеру следуют многие. Таким образом, общий предпринимательский дух, этические принципы в США явно более моральные, чем в тот период, когда они анализировались Т. Вебленом; хотя недавний кризис снова обнажил те свойства, которые превосходно описал Т. Веблен.

Удивительное, однако, состоит в том, что **блестящий анализ праздного класса, осуществленный Т. Вебленом на базе американского капитализма первых десятилетий XX века**, как это ни удивительно, но **достаточно объективно отражает свойства современного российского капитализма**. (*Выделено ред. журнала*) При этом, в отличие от США времен Т. Веблена, лихорадка непроизводительного, паразитарного накопительства и паразитарного потребления в российском обществе поддерживается предельным снижением общественных, морально-этических и культурных ценностей. Этот курс поддерживается государством и его институтами, которые в лучшем случае занимают нейтральные позиции.

Полная применимость вебленского анализа праздного класса к современной буржуазии России является следствием того, что в 1993 г. в стране был искусственно прерван процесс формирования «мягкой социальной модели капитализма». В этой связи бывший британский посол в России сэр Содерик Лэйн в беседе с российским корреспондентом сказал следующее: *«...Демократию невозможно построить сверху вниз – только наоборот. В 1989 г. у вас прошли по-настоящему свободные выборы [имеются в виду выборы народных депутатов России в 1989–1990 гг.]. После в течение нескольких лет вы имели в некоторых областях даже слишком много свободы и в результате ее "перепили" [намеки на «слабости Ельцина»]... Конституция 1993 г. была скорее недемократической и отбросила страну назад. Последние 6 лет правления Ельцина Россия не была демократией. Но Запад тогда отчаянно боялся возвращения коммунистов и, применяя двойные стандарты, "смотрел в другую сторону"»*.

Этот британский дипломат пришел к правильному выводу, который делает ему честь, в то время как большинство российских политиков и аналитиков и сегодня повторяют пропагандистскую «утку» относительно «красно-коричневого парламента», по необходимости расстрелянного Б.Н. Ельциным.

Кстати, зададимся вопросом: почему тогда Запад боялся «возвращения коммунистов», ведь никакой реальной опасности не было – после попытки коммунистического путча (август 1991) роль КПСС почти сошла на нет. В российском парламенте коммунисты не представляли реальной силы. Достаточно сказать, что руководителем их фракции был *Иван Рыбкин* (ставший при Б.Н. Ельцине председателем Государственной думы, а позже – секретарем Совета национальной безопасности). Эту лживую, абсолютно провокационную идею о «возвращении коммунистов» внушали Западу прежде всего сами так называемые «демократические силы» России, побуждая Запад к поддержке демократы не любят и не хотят вспоминать. Так что врагом российской демо-

кратии явился не только Б.Н. Ельцин, но и те, кто называют себя «демократами», являясь, скорее, экстремистами, которые вели на Западе антипарламентарскую пропаганду, вводя в заблуждение общественное мнение и политические элиты этих стран.

Вернемся к Америке. Развитие тех порочных тенденций, которые вскрыл Торстейн Веблен, привели к формированию таких масштабных противоречий в структурах экономической системы американского капитализма, которые спровоцировали кризис в 1929 г. Этот кризис, длившийся много лет, был окончательно преодолён лишь с началом Второй мировой войны, но в своей основе прерван энергичной деятельностью великого президента этой страны Ф.Д. Рузвельта. На тему этого кризиса написаны горы научной и художественной литературы, сняты сотни кинофильмов. Сами причины кризиса явились и являются ныне предметом исследований тысяч аналитиков – представителей десятков стран мира. До сегодняшнего дня вызывают споры способы и методы борьбы с кризисом, избранные правительством Ф.Д. Рузвельта.

Представители ортодоксального неолиберализма с необыкновенной дерзостью (это происходило и в ходе последней избирательной кампании по выборам президента в 2012 г.) называют причиной этой величайшей катастрофы чрезмерное государственное вмешательство в экономику, ссылаясь на минимальное регулирование со стороны Федеральной резервной системы (ФРС). Тем самым они пытаются опровергнуть очевидное отсутствие государства в экономике, вплоть до наступления этого кризиса в 1929 г.

Неокейнсианцы (другой лагерь) справедливо утверждают, что не было никакого, даже минимально необходимого государственного регулирования, – и это справедливое утверждение. При этом они обвиняют президента Г.К. Гувера (предшественника Рузвельта) в слабости, безволии и нежелании «решительно» вмешаться в углубляющийся кризис. Это далеко не бесспорная позиция, поскольку, как показано выше, в американской традиции, в отличие от европейских стран, не было примера участия государства в регулировании хозяйственных процессов со времен возникновения здесь капитализма.

Американский капитализм в шаге от гибели

В ходе президентской кампании 1932 г. Ф.Д. Рузвельт предложил стране серию либеральных реформ, известных как «новый курс». Теоретическую основу «нового курса» составили воззрения близкие тем, которые разработал уже известный английский экономист Дж.М. Кейнс, но это не было кейнсианством. И «новый курс» Ф.Д. Рузвельта, и кейнсианство исходили из необходимости государственного регулирования капиталистической экономики, особенно в условиях существенного роста.

Ф.Д. Рузвельт пришел к власти, когда кризис в США достиг апогея, и трудно предсказать, как развивались бы события в 1933 г. (и позже) не только в США, но и во всем мире, если бы он не одержал победу на этих выборах. В последние недели правления президента Г.К. Гувера наступила еще одна волна банковского краха. Считается, что он явился следствием бурного роста спекулятивной деятельности банков, которые выбрасывали на рынок огромное количество ничем не обеспеченных ценных бумаг, что привело к массовому банкротству большого числа разных предприятий, что, в свою очередь, способствовало массовому изъятию вкладчиками золота и долларов. В результате усилилось предельное недоверие населения к банкам, что привело к тому, что

вкладчики изымали золото и доллары, предпочитая держать их у себя дома. За два дня, 2–3 марта 1933 г., из банков страны было изъято 500 млн. долларов, банки Нью-Йорка и Иллинойса – штатов, где находились центры финансовой мощи США, закрылись. Паника охватила не только США, но и столицы европейских государств, многие страны на других континентах. А между тем экономика СССР бурно развивалась, просоветская пропаганда о близком конце капитализма захлестнула мир.

Было предельно ясно, что у правительства Ф.Д. Рузвельта нет ни одного дня в запасе – необходимы были чрезвычайно решительные, но продуманные, четко взвешенные системные решения и действия. И они были предприняты, поскольку самые талантливые экономисты уже давно работали над программой антикризисных мер в избирательном штабе Ф.Д. Рузвельта. В таких условиях стране, как никогда ранее, нужно было энергичное, предельно умное правительство, способное остановить дальнейший спад, заставить работать организмы капиталистической экономики. 4 марта 1933 г. 32-й президент США Ф.Д. Рузвельт занял Белый дом. В инаугурационной речи он сказал: «Единственное, перед чем мы должны испытать страх, – это сам страх. Стране нужны, и если я правильно понимаю ее права, стране требуются дерзкие, непрерывные эксперименты. Ведь это так естественно: избрать метод и испытать его. Если ничего не получается, надо честно признать это и попробовать другое. Самое важное – что-нибудь пробовать». Этот метод был найден Ф.Д. Рузвельтом в высоком уровне вмешательства государства в экономические процессы по всем направлениям.

Антикризисная деятельность президента Ф.Д. Рузвельта: оздоровление банков, новая налоговая политика

У Ф.Д. Рузвельта был тщательно разработанный план действий по глубокому реформированию всей американской экономики, над которым в течение 6 месяцев работали лучшие экономисты, включая тех интеллектуалов, которые были знакомы с ранними трудами Дж.М. Кейнса. Реформы охватили все сферы экономики: промышленность, сельское хозяйство, финансовую и банковские системы, а также социальные и трудовые отношения. Ситуация требовала начать реформы с решения кредитно-финансовых проблем. 6 марта президент, воспользовавшись предоставленными ему широкими полномочиями, провозгласил чрезвычайное положение и закрыл все банки страны. Был принят чрезвычайный банковский закон, в соответствии с которым для нового открытия банка, использовался учитывающий реальное положение банка дифференцированный подход. Соответственно все частные банки страны делились на разные группы. В первую входили «здоровые» банки, которые следовало открывать в первую очередь; во вторую – банки, которые могли функционировать при условии оказания им помощи; в третью – те, которые не способны были функционировать и подлежали ликвидации. **Федеральная резервная система (ФРС)** должна была выдавать ссуды нуждающимся банкам под залог ценных бумаг и государственных облигаций. Кроме того, банкам было разрешено выпускать привилегированные акции с целью их скупки Финансовой корпорацией по реконструкции, которая давала бы банкам наличность, необходимую для преодоления кризиса доверия. Любой банк мог быть открыт

только после специального разрешения Правительства, при этом министр финансов был вправе затребовать любую информацию о деятельности банка. Уже к 15 марта приступили к работе банковские учреждения, признанные «здоровыми». Меры по «очищению» банков привели к сокращению их числа с 6 145 в 1932 г. до 4 890 в конце 1933 г. В целом за 1933–1939 гг. при сокращении числа банков на 20% объем их активов вырос на 37%. Процесс оздоровления банковской системы стал очевидным, хотя и медленным. Определенную оздоровительную роль сыграл принятый 5 апреля 1933 г. конгрессом закон, запретивший вывоз гражданами золота, а также указ об обязательной сдаче банкам гражданами США сбережений в форме золота на сумму свыше 100 долларов. Это было, конечно, изъятие, но обстановка диктовала необходимость проведения и таких экстраординарных мер. Одновременно разрешался выпуск новых банкнот, не обеспеченных золотом. Вслед за этим правительство Ф.Д. Рузвельта наложило эмбарго на золото, циркулирующее между США и границей. Это означало ликвидацию механизма золотого стандарта в стране и начало стремительного обесценивания доллара по отношению к золоту; стоимость доллара упала на 30%; эта мера оживила экспорт американских товаров и в целом внешнюю торговлю.

Вторым важнейшим мероприятием стал закон о банковской деятельности **Гласса – Стигалла**, принятый 16 июня 1933 г., по которому разделялись депозитные (коммерческие) и инвестиционные функции банков; тогда же была создана **Федеральная корпорация страхования депозитов (ФКСД)**. Первоначально размер страховки не превышал 2 500 долларов по каждому счету. Страховка финансировалась из страховых сборов, выплачиваемых банками. К началу 1934 г. около 80% всех банков США застраховали свои депозиты, учитывая желание большинства вкладчиков иметь подобную защиту. Этот Закон установил также, что депозиты размером до 10 тыс. долларов подлежат страховке на 100%, от 10 до 50 тыс. долларов – на 75, а свыше 50 тыс. долларов – на 50%. В результате общественное доверие к банковской системе стало быстро восстанавливаться. Законодательство 1933–1935 гг. реформировало **Федеральную резервную систему (ФРС)**: по банковскому закону 1935 г. Совет управляющих ФРС, назначаемый президентом США, получил полномочия на определение суммы резерва, который должен оставаться в банках – членах ФРС. Совет управляющих (через понижение или повышение уровня обязательного резерва) мог увеличивать или уменьшать денежную массу, находившуюся в обращении. Кроме того, был создан **Федеральный комитет по операциям на открытом рынке**, который, во-первых, устанавливал льготные учетные ставки (т.е. такие процентные ставки, по которым банки – члены ФРС могли получать кредиты в ФРС), во-вторых, он регулировал покупку и продажу банками ФРС облигаций государственного займа. Далее, в январе 1934 г. была проведена девальвация доллара, которая установила официальную цену золота на уровне 35 долларов за унцию, по сравнению с прежней официальной ценой 20,67 доллара, это снизило его золотое содержание на 41%. Была начата чеканка серебряной монеты, то есть в стране вводился биметаллизм; он также имел позитивное значение с точки зрения обращения.

Налоговая политика стала важнейшим рычагом в политике нового курса – с периода прихода к власти Ф. Д. Рузвельта и вплоть до конца 1950-х годов налоги на прибыль возросли с 20 до 70%. Это вызвало буквально озлобление некоторых кругов крупного предпринимательства, которые вместе с их СМИ обвиняли Рузвельта в том, что он пытается «сбросить Америку в коммунизм». В тесной

связи с кредитно-денежными и налоговыми мероприятиями изменялось законодательство об упорядочении операций на фондовых биржах. В 1933–1934 гг. были приняты законы по регулированию деятельности бирж, имеющие целью навести порядок в торговле акциями и пресечь биржевые спекуляции. Законом 1935 г. вводились довольно жесткие меры регулирования холдинговых компаний. Девальвация доллара, изъятие монетного золота из частных рук, облегчение доступа к кредиту способствовали повышению цен и создали механизм инфляционного роста экономики, одновременно предоставляя государству средства для проведения реформ в других отраслях хозяйства.

Реформирование отношений между трудом и капиталом

Одним из важнейших законов, направленных на государственное регулирование промышленности и трудовых отношений с целью выхода из кризиса стал Закон о восстановлении промышленности, принятый конгрессом 16 июня 1933 г. по инициативе правительства Ф. Д. Рузвельта. В соответствии с ним предпринимателям в каждой отрасли промышленности предлагалось добровольно объединиться и выработать «кодексы честной конкуренции», которые, во-первых, устанавливали бы объемы производства; во-вторых, определили бы уровень заработной платы и продолжительность рабочего дня; в-третьих, распределили бы рынки сбыта между отдельными конкурентами. На время действия закона, ограниченное двумя годами, приостанавливалось применение к кодифицированным отраслям положений антитрестовского законодательства. Для проведения этого закона в жизнь была создана **Национальная администрация по оздоровлению промышленности** (*National Recovery Administration – NRA*) во главе с генералом Х. Джонсоном. *NRA* представляла собой огромный государственный механизм с соответствующими органами в штатах и городах. Через год после создания *NRA* кодексами были охвачены предприятия с общей численностью около 20 млн. человек; 450 кодексов распространялись на 95% всей промышленности и торговли США. Всего *NRA* одобрила около 750 кодексов, охвативших самые разнообразные виды производства – от черной металлургии и каменного угля до производства инструментов и кухонной посуды. Каждый кодекс должен был служить своего рода руководством для определенной отрасли хозяйства, средством для избежания перепроизводства. Крупные корпорации сначала с одобрением восприняли нововведения в промышленности, рассматривая деятельность *NRA* как возможность потеснить мелкого предпринимателя, который во время кризиса оказался более гибким и конкурентоспособным, чем многие крупные корпорации. Их устраивало и снятие антитрестовских ограничений. Чистые доходы 200 важнейших промышленных корпораций в 1934 г. увеличились на 60% по сравнению с 1933 г., что свидетельствовало о начавшемся оживлении в экономике.

Закон об оздоровлении промышленности затронул и трудовые отношения. Он предоставил рабочим право участия в коллективных договорах и профсоюзах. Однако предпринимателям не запрещалось заключать и индивидуальные соглашения с рабочими. В законе регламентировались три основных условия труда: а) минимальная заработная плата в размере 12–15 долларов в неделю; б) максимальный рабочий день (8 ч); в) запрещение детского труда.

Однако уже через два года после введения в действие Закона он стал подвергаться критике со всех сторон. Недовольство рабочих было вызвано произ-

вольной трактовкой хозяевами предприятий некоторых пунктов закона. Мелкие предприниматели протестовали против усиления корпораций, крупный бизнес критиковал правительство за постоянное вторжение в дела промышленности. В июне 1935 г. Верховный суд США объявил деятельность НРА прекращенной, поскольку она распространялась на местную промышленность (вторгаясь в сферу компетенции штатов), что противоречило Конституции США. Но эта организация уже выполнила свои задачи, и по распоряжению Ф.Д. Рузвельта от 4 июня 1935 г. кодексы, фиксирующие уровень производства и цен, были отменены. Одновременно правительство отказалось от попытки регулировать уровень заработной платы, продолжительность рабочего дня и другие условия труда. Бюро труда в различных отраслях промышленности были распущены. Тем не менее за два года деятельности закона в промышленности страны удалось ликвидировать хаос и существенно поднять производство.

Социальная политика и последствия кризиса

Регулирующая роль государства в период осуществления «Нового курса» в наиболее выраженной форме проявилась в сфере социальной политики. Здесь самой острой была проблема безработицы. С целью организации помощи безработным была создана **Федеральная администрация по оказанию чрезвычайной помощи** во главе с Г. Гопкинсом. На помощь безработным она израсходовала свыше 4 млрд. долларов.

С апреля 1933 г. стала функционировать система общественных работ. Началось массовое (но хорошо проработанное) строительство стратегических дорог, мостов, общественных зданий и т.д. Были созданы специальные лесные лагеря для безработной молодежи в возрасте от 18 до 25 лет, где молодые люди не просто содержались, но и работали – помогали старым, больным и пр. в течение шести месяцев на полном обеспечении, с выплатой 30 долларов в месяц, 25 из которых каждый был обязан направить своей семье. Молодежь охотно работала на строительстве дорог и плотин, на работах по сохранению лесов, парков, водоемов и пр. Всего через лагеря безработной молодежи прошли 2 млн. человек. Организация общественных работ приняла особенно широкий размах с июня 1933 г. после создания **Федеральной администрации общественных работ** во главе с Г. Икесом (известным общественным деятелем). На ее нужды было ассигновано свыше 3,3 млрд. долларов. Она руководила работами на железных дорогах и автострадах, судостроительных верфях, в морских и речных портах и других сферах. В ноябре того же года было создано новое ведомство – **Администрация гражданских работ**, на ее проектах даже зимой трудились свыше 4 млн. человек.

После двух лет осуществления «Нового курса» (1933–1935) кризис миновал, но политическая ситуация в стране все еще оставалась напряженной, безработица держалась на высоком уровне. А в 1936 г. Верховный суд отменил программу президента в сфере труда и промышленности, Ф.Д. Рузвельт лишился значительной поддержки в рабочем движении, об этом свидетельствовал лозунг в рабочей среде о необходимости создания «третьей партии», поддерживаемый массой рядовых избирателей. Коренного оздоровления экономики еще не произошло, хотя ситуация стабилизировалась, но на низком уровне, а кризис перешел в рецессию. В определенной мере это было связано с сопротивлением курсу Рузвельта большого бизнеса – банковского и промышленного капитала, особенно на первом этапе. Но Ф.Д. Рузвельт энергично пресек сопротивление и добился того, чтобы бизнес развивал производство, создавал рабочие места, улучшал трудовые условия работников.

Реформы Рузвельта имели перераспределительные цели, когда был окончательно закреплён основной принцип: «богатый платит больше». Налоговая шкала была предельно гибкой, от 5% до 70% (и ещё выше). Естественно, богатые платили именно 70%, а те, кто победнее – от 5% и выше по мере увеличения дохода. До Ф.Д. Рузвельта самый высокий уровень налога составлял 22%; отметим, что в 1955–1965 гг. налог на богатых составлял около 90%. Интересно и то, что богатые и богатейшие люди Америки во времена Ф.Д. Рузвельта, несмотря на яростную ненависть к нему и его правительству, исправно платили установленные законом налоги, не прятали свои прибыли в офшорах, не прибегали к шантажу, заявляя, что они переведут свой бизнес в другие страны с менее обременительными налоговыми режимами. Они развивали и расширяли производство, добивались роста эффективности, улучшали производственные условия рабочих и инженеров. Соотношение средней заработной платы крупных менеджеров и рабочих в 1935 г. было на уровне 28 : 1 (42 : 1 в 1929 г.).

Одним из важнейших законодательных актов, инициированных правительством Ф.Д. Рузвельта, стал принятый в августе 1935 г. **Закон о социальном страховании**, который предусматривал страхование двух типов – по старости и безработице. Страхование по безработице строилось на двух уровнях – уровне федерации и уровне штатов. Средства для этого складывались из налогов на предпринимателей на уровне 1-3% с заработной платы. В среднем пособия выплачивались 9,4 недели по 11 долларов, что составляло 36% заработной платы. Пенсионное обеспечение было полностью федеральной программой. Фонды для этого создавались за счет налога как на предпринимателей, так и на рабочих и служащих в размере 1% от суммы заработной платы. Получателями пособий становились граждане, достигшие 65-летнего возраста.

С учетом настроений рабочего класса, о чем упомянуто выше, в июле 1935 г. был принят статут о трудовых отношениях (**Закон Вагнера**). Впервые в истории США рабочие получили право на организацию профсоюзов и заключение коллективных договоров. Предпринимателям запрещалось вмешиваться в создание рабочих организаций, осуществлять дискриминационные меры против членов профсоюза, увольнять или притеснять рабочего за дачу показаний в суде, отказываться от ведения коллективных переговоров с избранными представителями рабочих. Для расследования жалоб профсоюзов рабочих и пресечения злоупотреблений предпринимателей, было создано **Национальное управление по трудовым отношениям**. Принятие закона Вагнера существенно меняло правовой аспект трудовых отношений в сторону их демократизации, что было позитивно воспринято в рабочей среде. Осуществляя реформы, правительство Рузвельта рассчитывало обновить экономику страны и избавить ее от потрясений и кризисов. Однако эти цели полностью достигнуты не были, хотя безработица была сокращена к началу 1937 г. до 5% (с 27%). Относительное восстановление экономики в 1934–1936/37 гг. неожиданно прервалось кризисом в 1937 г., который продолжался до середины 1939 г. И лишь со второй половины 1939 г. экономика США справилась с его последствиями, но до начала Второй мировой войны стране так и не удалось достичь докризисного уровня производства и занятости. **Но вряд ли стоит утверждать, что исключительно военные приготовления вывели страну из кризиса – все предпосылки для устойчивого роста были созданы реформами Ф.Д. Рузвельта до начала Второй мировой войны.**

Инновации «Нового курса» имели важное значение для развития как американской, так и мировой экономики. Они продемонстрировали роль государственного регулирования в системе капиталистического хозяйства и показали, что гибкое, всестороннее регулирование экономики, особенно в трудные периоды ее развития, является жизненно необходимым. Со времени «Нового

курса» государственное вмешательство в хозяйственную жизнь, применяемое в разных формах, стало неотъемлемой частью хозяйственного механизма США. Важнейшим итогом реформ было и то, что они ознаменовали серьезный сдвиг в социальном развитии страны. Укрепились адаптационные механизмы американского капитализма к новым условиям XX века США окончательно отказались от политики изоляционизма, вмешиваясь не только в дела западного полушария (в соответствии с доктриной Монро), но и расширяя сферы своего влияния по всему миру. В то же время в структурах истеблишмента и научно-экономическом сообществе США и Великобритании (в меньшей мере в других европейских странах) происходила жесткая конфронтация в выборе экономической политики. Традиционный экономический либерализм, который доминировал в XVIII–XIX столетиях, уступил место кейнсианству, которое в своих разработках использовало опыт «нового курса», оно мощно усилилось в ходе антикризисной политики развитых стран в период Великой депрессии. Социальная политика «Нового курса» касалась не только рабочих и фермеров, но и в целом среднего класса – городских средних слоев, интеллигенции, которая стала опорой и демократической, и республиканской партии. В политической и деловой элите на протяжении десятилетий был достигнут своего рода общественный договор – не покушаться на основы нового американского капитализма, заложенные новым курсом Ф.Д. Рузвельта. И обе партии сохранили его вплоть до начала 1980-х годов, когда началась откровенная его ревизия, которой, кстати, демократы не особо сопротивлялись.

Review of the book:

R.I. Khasbulatov. Decline of Market Fundamentalism. Theories, Policy, Conflicts.

In 2 books. Book 1. Moscow. G.V. Plekhanov REU, 2014, 472 p. (In Russ.)

Hereinafter an abridged version of Chapter 8 is published.

(USA ❖ Canada Journal, 2015, no. 8, p. 92-104)

Received 15.04.2015.

KHASBULATOV Ruslan Imranovich, Plekhanov Russian University of Economics (PRUE), 36 Stremyanny per., Moscow 117997 (958501@mail.ru)

The book presents an analysis of different stages of economic theories, shows their close interconnection with the development of production agents, needs of society at various stages. The emphasis is made on competing concepts that were formed on the basis of common political economy of Adam Smith. The modern policy of states and international organizations is criticized because of being inadequate to modern requirements of socio-economic and scientific and technological development of the world. The author analyzes new economic trends in formation of global economic order. Also an author's model of economic policy of modern Russia is offered.

About the author:

KHASBULATOV Ruslan Imranovich, Doctor Sci. (Economy), Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Department of International Economics.